

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

DOI 10.35775/PSI.2025.67.2.013

УДК 32.327

Д.А. АФИНОГЕНОВ

доктор политических наук, член Научного Совета при Совете Безопасности Российской Федерации, эксперт РАН, действительный государственный советник Российской Федерации 3 класса, Россия, г. Москва

И.В. СТАРОДУБ

полковник запаса, кандидат политических наук, и.о. заведующего кафедрой государственного управления и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия, г. Москва

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ НА ПРОСТРАНСТВЕ БОЛЬШОЙ ЕВРАЗИИ: НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ

В статье представлены различные концептуальные взгляды на развитие Евразийского пространства, места и роли России в построении безопасности в Евразии. Показано, что с точки зрения стратегического планирования, вопросы применения межгосударственного инструментария по обеспечению безопасности на пространстве Большой Евразии практически не рассматривались.

В статье проанализированы различные трудности в реализации принятых международных документов стратегического планирования, связанные с разными подходами евразийских государств к уровню культуры стратегического планирования, горизонтам прогнозирования, инструментам достижения прогнозного целеполагания, с подходами к пониманию ценностных и мировоззренческих основ политики обеспечения безопасности. Обозначается, что обобщенной сущностью стратегического целеполагания на пространстве большой Евразии следует считать создание условий для формирования системы евразийской безопасности.

Для всего пространства Большой Евразии предлагается разработать некий Акт (межгосударственное соглашение, совместная декларация) о принципах стратегического планирования, приоритетных направлениях, целях и задачах его развития на Евразийском пространстве, а также сформировать единый для евразийских государств алгоритм достижения прогнозного целеполагания.

Ключевые слова: евразийское пространство, национальная безопасность, стратегическое планирование, целеполагание, стратегическое прогнозирование, международное сотрудничество.

В своем Послании Федеральному Собранию Российской Федерации 2024 года Президент Российской Федерации поставил задачу «...Работать над тем, чтобы уже в обозримой перспективе формировать новый контур равной и неделимой безопасности в Евразии». Определена также необходимость готовности «...к предметному разговору по этой теме со всеми заинтересованными странами и объединениями».

Почему именно так ставиться этот вопрос?

Евразия является крупнейшим материком на земном шаре. Именно в Евразии жили и работали многочисленные творцы всех стратегий и концепций, направленных на колониальное порабощение мира. Именно здесь корни двух величайших в истории войн – Первой и Второй мировой. И именно на этих пространствах интерес к их развитию и обеспечению безопасности имеет глубокие исторические традиции.

Концепция Большой Евразии как мысль начала формироваться больше 100 лет назад, опираясь на труды «Лик Земли» Эдуарда Зюсса и «Три мира Азийско-Европейского материка» В.И. Ламанского [10]. В зарубежной политической истории идея Большой Европы впервые рассматривалась в геополитической концепции Х.Дж. Маккиндера (труд «Географическая ось истории»), где ключевой мыслью являлось то, что в пространстве от Тихого океана до Атлантического океанов есть две ключевые составляющие – хартленд, как гипотетическая сердцевина Евразии (читай – Россия) и другие пространства, в совокупности своей способные стать доминирующими мировыми центрами.

Рассматривая российский опыт, следует отметить, что истоки евразийства, как отдельного направления политической философии, четко прослеживаются еще в идеях 20-40-х годах XIX века, когда в российском обществе сформировались научные и политические взгляды западников и славянофилов. Новейший философский словарь дает такое определение. Евразийство – геополитическое и социально-философское учение и интеллектуальное движение, сформировавшееся в 20-30-х годах 20 в. в среде российской эмиграции и сохраняющее высокий идейно-политический потенциал на рубеже 20-21 вв. Основателями и ведущими идеологами движения евразийства выступили Флоровский, Карсавин, Н.Н. Алексеев, Вернадский, Н.С. Трубецкой и др. Программным манифестом этого движения явился сборник «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев» (1921) [12].

Главной идеей классического евразийства российского толка, концепции Россия-Евразия являлась точка зрения, что Россия-Евразия представляют собой не только общностью исторических судеб населяющих ее народов и их родственных культур, но и обладают несомненным единым экономико-политическим будущим.

Это будущее, по взглядам последователей Ключевского, Данилевского, С. Соловьева, должно базироваться на собственной, основанной на объединении в себе черты Востока и Запада субкультуре, опираться на основе триады, выражающие русскую ментальность: «православие, самодержавие, народность» и «централизация, дисциплина, самопожертвование» и обеспечить смену ориентира с европейского примера на самостоятельный путь собственной жизни.

Идея Большой Европы вторую жизнь получила в середине XX века, когда Россия начала делать определенные шаги на пути интеграции в Европу и в 1994 г. был подписан фундаментальный документ – Соглашение о партнерстве и сотрудничестве (СПС) между РФ и ЕС. Акцент во внешней, да и внутренне политике России был сделан на интеграцию в западный мир.

Вместе с тем концепция «Большой Европы» – от Лиссабона до Владивостока, которая выдвигалась в 20 веке как проект интеграции или сближения ведущих европейских государств и России **не показала свою жизненность и эффективность**, так как ее реализация привела к формированию модели отношений, в которой ЕС являлся старшим партнером, Россия – младшим, что показало свою ущербность в последующие годы. Это подтвердило и первое расширение блока НАТО в 1999 году, и агрессия Запада против Югославии в 2000 году, где Россия по факту оказалась в ситуации очевидного геополитического проигрыша.

Такое положение дел дало толчок определенному пересмотру формулы евразийства и предопределило начало развития нового видения евразийства, объединяющего в единое геополитическое и геоэкономическое пространство европейские (Россия, Украина, Белоруссия) и азиатские страны постсоветского пространства (Казахстан, Киргизия, Таджикистан и др.).

Эта концепция начала 2000 годов базировалась на общности, тогда еще, экономического пространства СНГ, необходимости формировании близких, дружественных, добрососедских отношений между бывшими советскими республикам, что отвечало национальным интересам России, а также началом формирования многовекторного подхода в международных отношениях и провозглашением стремления к формированию многополярного мира.

Следующим этапом развития концептуальных взглядов на этом направлении можно считать Концепцию «Большой Евразии», которая фактически объединила весь континент [4] и предполагала создание единого торгово-экономического конструкта в рамках Евразийского континента, с распространением его интересов на Северную и Восточную Африку, а также на острова Тихого океана, вплоть до Индонезии и Австралии. При это речь идет о торгово-экономическом образовании, а не о жестком политическом объединении, следовательно, в подобный формат могут войти такие объединения, как ЕАЭС, ШОС и ОПЕК.

По временным параметрам данная концепция совпадает с поворотом российской политики на Восток и, как отмечает С. Караганов, «...поворот России на Восток, задуманный во второй половине 2000-х годов в ответ на подъем Азии, помимо стратегических внешнеполитических выгод дает возможность «...превратить Зауралье, Дальний Восток из преимущественно имперского

бремени – или тыла в противостоянии с Западом, иногда фронта в соперничестве с Японией или Китаем – в потенциальную территорию развития для всей страны» [3].

Вместе с тем создаваемая система концептуальных взглядов для своей практической реализации должна иметь и инструмент реализации. Поэтому, рассматривая данную проблему с точки зрения стратегического планирования, можно сказать, что такой инструментарий на пространстве Большой Евразии практически не применялся.

Да, в рамках евразийского партнерства стран СНГ, нового формата БРИКС, ШОС, ОДКБ приняты различного рода стратегические документы. Это Стратегии экономического партнерства БРИКС до 2025 года, Казанская декларация саммита БРИКС-2024, Стратегия коллективной безопасности ОДКБ на период до 2025 года, Стратегия развития Шанхайской организации сотрудничества до 2025 года, Стратегия развития Евразийского экономического союза (ЕАЭС) до 2025 года, Стратегия экономического развития СНГ на период до 2030 года.

Сегодня на пространстве Большой Евразии (без ее западного сегмента) мы уже имеем опыт разработки стратегий международного сотрудничества в торгово-экономической, транспортно-логистической, социально-культурной сферах, а также в сфере молодежной политики. Прежде всего это относится к 16 ключевых для России стран Евразии (Беларусь, Казахстан, Таджикистан, Узбекистан, Киргизия, Германия, Франция, Италия, Сербия, Индия, Китай, Вьетнам, Иран, Турция, Израиль, ОАЭ).

Есть понимание того, что в условиях действующих санкционных режимов важной составляющей сотрудничества стран Большой Евразии является построение альтернативных платежно-расчетных систем, депозитарной и клиринговой инфраструктуры с применением цифровых технологий.

В рамках VII Международного форума «Российская энергетическая неделя» (прошел в Москве с 26 по 28 сентября 2024 года) в ходе работы сессии «Встреча министров энергетики стран БРИКС» участниками были высказаны мнения о необходимости расширения сотрудничества в области устойчивого развития и энергетики. Развитие энергетического сектора стран БРИКС потребуют интеграции в единую сеть энергообеспечения и создания совместной энергетической стратегии [13].

Вопросы расширения международного сотрудничества в энергетической сфере потребуют отражения в документах стратегического планирования на долгосрочную перспективу, таких как «Энергетическая стратегия России до 2050 года», грядущее принятие которого активно обсуждалась на полях Форума, а также, по заявлению министра энергетики России Сергея Цивилева, и в последующей подготовке Энергостратегии до 2100 года [14].

В перспективе на повестке дня такие значимые стратегические задачи, как укрепление экономической и транспортной взаимосвязанности Евразии, в том числе посредством модернизации и увеличения пропускной способности Байкало-Амурской и Транссибирской железнодорожных магистралей,

совершенствования инфраструктуры международного транспортного коридора «Европа – Западный Китай», коридора «Север-Юг», расширения возможностей Северного морского пути.

Вместе с тем практика показала трудности реализации этих документов, так даже в рамках уже сложившихся интеграционных объединений мы видим различный уровень культуры стратегического планирования, различные уровни и горизонты прогнозирования, и различные инструменты достижения прогнозного целеполагания, различные подходы к пониманию ценностных основ политики обеспечения безопасности и, соответственно, политики в области стратегического планирования.

Кроме того, зачастую заявленные концептуальные взгляды не преломлялись в четкое стратегическое целеполагание, которое является основой для формирования конкретных мер и шагов, направленных на объединение и сплачивание евразийского пространства. И, как отмечают эксперты, «...позитивный опыт европейской интеграции (опирающийся на общность интересов безопасности), не учитывается в евразийских подходах» [8].

Так, Концепция «Большого евразийского партнерства», впервые озвученная президентом России В.В. Путиным в конце 2015 г., исходит из того, что первые шаги должны быть сделаны не в политической или в военной сферах, а в архитектуре экономики. Поэтому в исследованиях отечественных ученых рассматриваются преимущественно геополитические, геоэкономические, социальные и информационные аспекты евразийского пространства.

В частности, в статье Т. Бордачева «Концепция Большой Евразии в повороте России на Восток» отмечается, что в политическом отношении эволюция евразийской концепции, для России в первую очередь, прошла путь от скромной идеи сопряжения Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути (2015) до намного более масштабной стратегии Большого евразийского партнерства [1. С. 33-51].

В работе К. Курылева обосновывается, что с геоэкономической точки зрения «Большое евразийское партнерство» является продолжением разворота России на Восток. Главная цель этой политики – ответить на экономические санкции, введенные Западом в отношении России после украинского кризиса.

Одновременно проводится мысль, что инициатива «Большого евразийского партнерства» – это еще и стремление России ответить на инициативу Китая «Один пояс, один путь», в рамках которой все больше стран и организаций достигли соглашений о сотрудничестве с Китаем [15].

Ряд исследователей отмечает, что идея Большого Евразийского партнерства (БЕП), предложенная Россией десять лет назад, направлена не только на развитие экономических отношений, но и на культурное и цивилизационное сотрудничество между странами, на создание широкого интеграционного контура на евразийском континенте, формирование общего транспортного и энергетического пространства, сети экономических коридоров, а также новое цифровое и финансовое измерение [16].

Т.е. концепция Большого Евразийства должна в политическом плане охватывать большинство стран – от Лиссабона до Владивостока, а содержательно включать в себя максимально широкий спектр областей сотрудничества – от торговли до военного и гуманитарного сотрудничества.

Но это – в теории вопроса. На практике же мы видим обратное.

Прежде всего, в противовес интегрирующей роли России в указанных выше объединениях, действующих сегодня на пространствах Большой Евразии, идет процесс регионализации этого огромного пространства и отчетливое его деление на отдельные сегменты. Так, четко очерченный западный сегмент в лице НАТО и ЕС ориентированы на обеспечение безопасности лишь одной группы государств, а именно стран Евросоюза и их сателлитов. При этом политика превосходства и приоритет концепта силы в международных отношениях уже привели к масштабному вооруженному конфликту на Украине и, конечно, в рамках почти трехлетнего противостояния России и коллективного Запада на украинском направлении трудно говорить об актуальности политики евразийской интеграции в ее широком понимании для всех членов евразийского сообщества.

Расширение бока НАТО реально оторвало западный сегмент Евразии от общего пространства и превратило его в обособленный «цветущий сад», по выражению Д. Барреля. Однако этот сад не для всех, но развивающийся именно за счет всех и имеющий в лице НАТО собственный политико-военный инструмент регламентации деятельности на западном пространстве Евразии, по сути – инструмент формирования собственной политики безопасности. При этом следует подчеркнуть радикально различные подходы к обеспечению безопасности в понимании НАТО и, например, ОДКБ, абсолютно различные интересы входящих в эти объединения государств и разный, на этой основе, формат политики безопасности. Поэтому можно считать, что с точки зрения стратегического планирования текущий подход Запада накладывает существенные ограничения на распространение общих идей стратегического планирования на всем пространстве Большой Евразии.

С другой стороны мы видим, что актуальность формирования эффективной системы безопасности для всех государств кратно возрастает, поэтому говорить о стратегическом планировании на пространстве Большой Евразии можно только имея в виду государства центрального, южного и восточного секторов Большой Евразии, где именно Россия ввиду ее геополитического положения, военного потенциала, а также сохраненной ценностной основой своего существования является центральным звеном евразийской системы.

При этом не вызывает сомнения важность именно для России проекта полномасштабной евразийской интеграции, так как для нее это один из гарантов ее полноценного существования как самостоятельного цивилизационного центра силы мира. И обеспечение безопасности Большой Евразии – это проект, устремленный в будущее, где суверенитет России как великой державы, ключевой на этом геополитическом пространстве, дает ей все основания быть субъектом, а не объектом мирового развития.

Такой подход требует соответствующего инструментария его поддержки и реализации, т.е. стратегического планирования на пространстве Большой Евразии.

Рассматривая этот вопрос, необходимо обратить внимание на важность определения сущности самого формата Большой Евразии. Этот вопрос наиболее верно, на наш взгляд, отражен в статье С.А. Караганова «От поворота на Восток к Большой Евразии», где автор выдвигает формулу Большой Евразии. В частности отмечается, что Большая Евразия – многомерное понятие, при этом в политическом плане она понимается как «...**концептуальная рамка**, задающая вектор экономического, политического и культурного взаимодействия государств региона, которая подразумевает движение к новой геостратегической общности, к так называемому обще евразийскому пространству развития, что может привести к превращению Евразии в центр мировой экономики и политики» [3]. В экономическом плане Большая Евразия – вновь создаваемая экономическая общность, сопряженная, прежде всего, с радикальным поворотом курса России на восток. В гуманитарном плане это воссоздающееся пространство межгосударственного цивилизационного сотрудничества.

Ключевое понятие здесь – концептуальная рамка, так как именно оно определяет возможный формат планирования и интеграции в рамках «Большой Евразии», и это прежде всего экономика, безопасность, культура и образование. Исходя из отечественной формулы «безопасность через развитие», можно полагать, что опорой политики безопасности на пространстве Большой Евразии должен стать фактор «мягкой силы», фактор широкого гуманитарного сотрудничества, а также сотрудничества в экономической сфере с опорой на дипломатию. Т.е. реализация, идеи заложенная статьей 19 Стратегии национальной безопасности России – «...все более актуальной становится проблема морального лидерства и создания привлекательной идейной основы будущего мироустройства», так как основой такого лидерства для последующего мироустройства Большой Евразии должна стать именно Россия. В этой связи весьма верно отмечает профессор А.И. Подберезкин, «...у России нет иных возможностей нейтрализовать растущие военно-политические угрозы в Евразии иначе как политико-дипломатическими средствами [8]».

Вместе с тем с точки зрения научного понимания перспектив стратегического планирования на этом пространстве мы еще находимся в самом начале пути. Необходимо новое научно-теоретическое осмысление задач и возможностей стратегического планирования на пространстве Большой Евразии, кратное усиление внимания к долгосрочному стратегическому прогнозированию и планированию, концентрация усилия на создании инструментов и алгоритмов стратегического планирования и стратегического управления, которые могли бы работать в различных странах евразийского пространства на основании единых подходов и методологических установок. И здесь видится необходимость решения ряда крупных научно-практических проблем.

Первый блок проблем связан с масштабностью самой темы. Согласно классификации ООН, в Большую Евразию входят 48 стран Европы, 50 – Азии и 7 – Северной Африки (всего – 105 стран). Каждая из этих стран имеет различные долгосрочные интересы и цели, различные представления о цивилизационно-ценностных основаниях проводимой политики развития и обеспечения безопасности, обладают различным геополитическим потенциалом, различным государственным устройством, социально-экономическим положением, ресурсным и военным потенциалом. Следовательно, каждый субъект политики правомочен в определении, в сущности, своей суверенности, в определении своих долгосрочных стратегических интересов и приоритетов развития и безопасности.

В этой связи встает вопрос о новой миссии России, суть которой отражена в Концепции внешней политики России, ст. 4, где сказано, что «..Более чем тысячелетний опыт самостоятельной государственности, культурное наследие предшествовавшей эпохи, глубокие исторические связи с традиционной европейской культурой и другими культурами Евразии, выработанное за много веков умение обеспечивать на общей территории гармоничное сосуществование различных народов, этнических, религиозных и языковых групп определяют особое положение России как самобытного государства-цивилизации, обширной евразийской и евро-тихоокеанской державы, сплотившей русский народ и другие народы, составляющие культурно-цивилизационную общность Русского мира».

Важность миссии России отмечалось и на VIII Научно-практической конференции – Форума аналитиков России (ФАР-2024). Ключевой тезис всей конференции заключался в том, что Россия является опорным государством-цивилизацией современного мира. Это определяется жизнестойкостью народа России, географическим, фронтирным по всем румбам положением, историей, ядерно-ракетным, военным, научным, ресурсным, экономическим потенциалами, дипломатической ролью в ООН, БРИКС, ШОС, ОДКБ, других международных организациях [5]. Т.е. Россия безусловно является центром евразийского пространства, ее сердцевиной.

Поэтому одна из важнейших задач стратегического планирования на пространстве Большой Евразии – обеспечить реализацию такой миссии за счет интеграции новых мировых и региональных социально-гуманитарных и научно-технических проектов.

Говоря о такой интеграции необходимо исходить из того, что страны Большой Евразии относятся к различным цивилизациям (Европейская, Российская, Китайская, Персидская, Индийская и ряд других). А это означает различную философию безопасности, различное понимание того, какими формами, способами, инструментами необходимо обеспечить такую безопасность, какие силы и ресурсы готовы выделять государства Большой Евразии на обеспечение безопасности.

Этот важный аспект проблемы обсуждался на упомянутой выше конференции, где, в частности, проводилась мысль, что «...Большая Евразия может и должна быть спроектирована как саморазвивающаяся полисубъектная

среда – метасубъект. Это предполагает формирование обобщенной модели саморазвивающейся рефлексивно-активной среды с представлением через многоуровневую структуру мировоззренческого, концептуального, технологического уровней и уровня реализации» [5]. С точки зрения наличия различных цивилизационных оснований, имеющих место на пространстве Большой Евразии, такая трактовка представляется вполне оправданной.

Кроме того, все эти страны имеют различную культуру стратегического планирования, различные уровни и горизонты прогнозирования, различное понимание важнейшего для стратегического планирования фактора – стратегического целеполагания.

Отсюда вытекает второй блок проблем – концептуально-идеологического характера. Это не простой вопрос.

Так, стратегическое целеполагание Запада отчетливо выражено в системе концептуальных взглядов на обеспечение безопасности и защиту национальных интересов и прослеживается в развитие геополитического подхода к пониманию сущности национальных интересов. Это можно проследить в научных трудах г. Моргентхау, Н. Спайкмана и А. Мехема. Например, г. Моргентхау, где сформулировал постулат, в котором «...цели внешней политики должны определяться в терминах национального интереса и подкрепляться соответствующей силой» [6. С. 137]. И сформулированные еще С. Хантингтоном и А. Мехемом, Спайкманом и другими мыслителями взгляды (в частности, доктрина господства на море, доктрина блокирования Хартленда (читай – России) определили, в целом на долгие годы «наступательный» и агрессивный характер внешней политики Вашингтона [11].

По современным американским взглядам феномен «безопасность» трактуется через фактор силы, описывается через систему социальных отношений, связанных с доминированием, контролем и подчинением.

В частности, Национальная стратегия США 2015 года говорит – «...каждое государство стремится, прежде всего, к самосохранению путем максимизации своей силы».

На этой основе система взаимоотношений с внешним миром строится по принципу «вассал-суверен». Других отношений Запад не понимает и воспроизводить не умеет, что отражается и на воззрениях в сфере стратегического планирования. Помноженное на мессианский характер воззрений политиков на роль и место США в мире, все это сегодня трансформируется в политику противодействия и сдерживания России, практически не оставляя пространства для конструктивного диалога сторон.

Французский опыт говорит о том, что стратегическую позицию страны определяет фактор поддержания долгосрочного ядерного сдерживания и сильной стратегической и оперативной автономии. В основе такой стратегической линии лежат конкретные приоритеты обеспечения целостности территории и зарубежных интересов страны. На практике – это предложения о воинском контингенте на Украине, введении Натовских миротворческих сил и т.д. Т.е.

безопасность рассматривается преимущественно через активные действия силового компонента.

В Стратегии национальной безопасности Великобритании 2023 года проведена линия на более широкое понимание концепта «безопасность» и приоритет принципа «безопасность через развитие». Приоритеты стратегии – противодействие фундаментальному риску, который якобы представляет Россия для европейской безопасности, адаптация подхода к Китаю, Исламское государство (запрещенное в России) и противостояние терроризму и кибертерроризму. При этом экономические интересы превалируют над геополитическими факторами, и концепции национальной безопасности Великобритании исходят от обеспечения интересов страны. Анализ этого документа показывает, что все цели предполагается решать динамичным наступательным путем, а не методом рефлексивного реагирования.

Таким образом, в условиях назревшей смены миропорядка, становления институтов, соответствующих новым реалиям мирового разделения труда, западная коалиция сделала ставку на удержание своих экономических и институциональных привилегий, в том числе за счет ЕС в пользу США. При этом основным инструментом такой политики является форсирование научно-технологического развития, прежде всего, как отмечают эксперты, в военной, цифровой, информационно-когнитивной сферах, институтах управления и социального контроля [5], а также широкое привнесение в политическую практику принципа гендерного разнообразия, ставшего на сегодня достаточно самостоятельным фактором западной политики в целом.

Как отмечал академик РАН Н. Симония, в результате длительного и безоглядного восхваления якобы непревзойденной военной мощи США нынешняя администрация и впрямь поверила, что силовая политика и есть универсальная панацея для решения всех действительных и мнимых проблем [9. С. 679].

Но что характерно! Мало того, что наши геополитические противники в большинстве своем понимают сущность безопасности исключительно через фактор силы, что априори не дает возможность формировать какие-то общие подходы к стратегическому планированию развития Большой Евразии ввиду полного несовпадения ценностных, политических и военно-стратегических установок. Они, в отличие от российской практики, не определяют феномен «национальная безопасность» в категориях «защищенность», а приоритетное внимание уделяют выработке стратегических замыслов, моделированию и прогнозированию ситуации, формированию адекватных условиям управленческих мер. Т.е. формируют модель и стратегию последующих действий. А это прямо влияет на конкретные меры обеспечения национальной безопасности. На фоне Специальной военной операции это предельно ясно и хорошо заметно.

Посмотрим опыт иных стран, которые мы сегодня характеризуем как дружественные. Например, Россия и Республика Казахстан одинаково понимают сущность национальной безопасности как состояние защищенности национальных интересов. Во главу угла их базовые концептуальные документы (Стратегия

национальной безопасности и соответствующий Закон Республики Казахстан) ставят вопросы сбережения народа и развития человеческого потенциала, обеспечение прав и свобод человека и гражданина. Это – один подход.

В Китае с 2014 года используется термин «всеобъемлющая национальная безопасность», который был введен в политический лексикон Си Цзиньпином 15 апреля 2014 года на учредительном заседании Центральной комиссии национальной безопасности КПК. Определено одиннадцать аспектов этой концепции: политическая безопасность, территориальная безопасность, военная безопасность, экономическая безопасность, культурная безопасность, социальная безопасность, научно-техническая безопасность, информационная безопасность, экологическая безопасность, безопасность ресурсов и ядерная безопасность. Т.е. по сферам, а не по приоритетам, как в Стратегии национальной безопасности России.

Основной целью всеобъемлющей национальной безопасности является «поддержание стабильности» политической системы Китая. Доминирующее положение отдается созданию экономического потенциала государства и доктрине совокупной мощи государства. При этом, по оценкам Си Цзин Пина, всеобъемлющая национальная безопасность является основой национального возрождения, а социальная стабильность является предпосылкой построения сильного и процветающего Китая. Здесь также прямая связь безопасности и стратегического планирования и приоритет достижения поставленных целей, а не их защищенности.

Политика национальной безопасности Пакистана на первый план ставит вопросы оптимизации национальной безопасности за счет поддержания внутренней стабильности и регионального мира, основанного на взаимном сосуществовании, региональных связях и общем процветании. Именно эти факторы рассматриваются как важнейшие предпосылки безопасности и развития.

Т.е. мы видим **различное понимание сущности безопасности**, что прямо влияет на формулу безопасности, выбор стратегии ее обеспечения и достижения целей и задач, определяет характер практических мер военно-политического и чисто «силового» свойства для обеспечения безопасности.

Ключевое слово в данном выводе – формула безопасности. И главное – что же должно лечь в ее основу. Силовой подход Запада? Концепция «мягкой силы» и гуманитарно-технологической революции? Отечественная стратегия реагирования на опасности и угрозы через парадигму «безопасность как состояние защищенности» или новые походы, основанные на понимании безопасности как «...состояния общественных и государственных институтов, обеспечивающее устойчивость государственной системы по отношению к внешним и внутренним опасностям, вызовам и угрозам, реализацию государственной политики защиты национальных интересов России, а также безопасность многонационального народа России как носителя суверенитета и единственного источника власти в Российской Федерации» [7. С. 13-14].

И это – **третий блок проблем**, от решения которого напрямую зависит весь формат стратегического планирования на пространстве Большой Евразии. Рассматривая эту проблему, надо исходить из общих и традиционных базовых ценностей, основанных на морали, сохранение и развитие человека, человечества, биосферы и техносферы, уважению к власти и семье, справедливости, солидарности, коллективизме, патриотизме. В политическом плане к этому набору ценностей можно прибавить примат исторической памяти, отрицание международного терроризма и возрождения фашизма.

Такие ценностные основы характерны для отдельных стран Большой Евразии (Россия, Белоруссия), и именно они формируют суверенное национальное самосознание, столь необходимое в сегодняшнее не простое время. Вместе с тем на этих пространствах есть и другие страны, в основе ценностных ориентаций которых лежат иные приоритеты. Это, прежде всего, ценности самовыражения, основанные на индивидуализме, исключительности, гипертрофированном внимании к собственной личности, приоритете правосознания над справедливостью, предпочтениям массовой культуры и конформизма.

Т.е. мы видим, что в процессе интеграции необходимо преодоление такого рода ценностных противоречий, или хотя бы сглаживания наиболее острых углов на этом направлении.

Основанием для преодоления таких ценностных противоречий может служить **единое стратегическое целеполагание**. Это – первое и наиболее важное условие развития Большой Евразии, ее роли и места в мире, важнейший фактор формирования стратегического планирования на ее пространстве.

В чем же сущность такого многоаспектного стратегического целеполагания? Если исходить из того, что основа целеполагания – его философское измерение, прогнозирование и анализ внешних и внутренних угроз безопасности, которое отражается документально в Стратегии, как одной из высших форм стратегического управления процессами и явлениями, то первым этапом могло бы стать формирование **единой цели процесса** стратегического планирования. Т.е. необходимо сформулировать и документально утвердить, что мы хотим получить в результате стратегического планирования? В чем политическая, а не технократическая цель (формирование различного рода документов стратегического планирования, программ и планов) этого процесса на евразийском пространстве?

Как представляется, во главу стратегического целеполагания необходимо ставить **общность ряда ценностных оснований** (например – отрицание войны на евразийском пространстве), **общность политических интересов** по отношению к другим странам, отказ от нарратива «главное – экономическая выгода», так как он объективно сегодня рассматривается как проваливши себя в свете событий на Украине. А также – **общность стратегических национальных приоритетов**, в рамках которых можно было бы выстраивать совестную межгосударственную политику.

Т.е. сущностью стратегического целеполагания на пространстве большой Евразии можно считать **создание условий для формирования системы**

евразийской безопасности, как инструмента недопущения войн на этом пространстве, широкого гуманитарного и научно-технологического сотрудничества на основе приоритета «российского ядра», а также широкого использования политики «мягкой силы», прежде всего с точки зрения предоставления высокого качества образовательных возможностей иностранным студентам, широкого распространения русского языка как языка межнационального общения, активная пропаганда культурно-исторического наследия России и традиционных российских ценностей, а также реализация на пространстве Евразии положений Концепции гуманитарно-технологической революции [2. С. 76-95].

Т.е. к формату Большой Евразии необходимо применять не только технологическое, но прежде всего **политическое измерение** стратегического планирования. Имеем в виду, что стратегическое планирование должно рассматриваться в широком понимании этого термина, как интеллектуальная и организационная деятельность по формированию вариантов и поиску оптимального пути формирования перспективного облика Большой Евразии, а также перспективной модели устойчивого многополярного мироустройства на базе диалога и партнерства цивилизаций. Как видите, общим основанием работы является опора на цивилизационно-ценностные основания государственных политик различных стран и поиск путей совпадения ценностных ориентиров.

Исходя из этого, на пространстве Евразии стратегическое планирование в большей степени должно **задавать рамочные параметры**, оставляя возможность для национальных государств развивать собственные механизмы и инструменты стратегического планирования, учитывающие национальные интересы и цели сторон, собственное понимание сущности безопасности. Т.е. применительно к Евразии не может быть какого-то общего шаблона или какого-то общего алгоритма стратегического планирования.

При этом документы стратегического планирования целесообразно разрабатывать в формате деклараций, рекомендаций, соглашений, договоров. Вряд ли возможно формирование для всего евразийского пространства единого нормативно-правового акта, подобного Федеральному закону Российской Федерации № 172 РФ «О стратегическом планировании в Российской Федерации».

С практической точки зрения для всего пространства Большой Евразии это мог бы быть некий Акт (межгосударственное соглашение, совместная декларация) о принципах стратегического планирования, приоритетных направлениях, целях и задачах его развития на Евразийском пространстве.

В рамках этого Акта необходимо на государственном уровне проработать формат ведущей роли России на Евразийском пространстве, ее цели, задачи в данном качестве и концептуально закрепить это политической декларацией, принимаемой всеми членами пространства Большой Евразии

Следующим шагом мог бы стать процесс формирования **единого для всех алгоритма достижения прогнозного целеполагания**.

За счет чего это возможно? Прежде всего, за счет проведения на межгосударственном уровне согласительных процедур по необходимой номенклатуре

документов стратегического планирования, т.е. стремление к единой по характеру и задачам архитектуре документов стратегического планирования. Итогом такой работы на первом ее этапе могло бы стать формирование **межгосударственной Концепции развития Большой Евразии и обеспечения безопасности в ее пределах на период до 2035 года.**

Необходимо также поставить и проработать вопрос **учреждения межгосударственного координирующего органа**, который бы способствовал формированию рамочных нормативных актов, определяющих формат, цели, задачи и сущность процессов планирования на Евразийском пространстве. А также – координировал бы процесс формирования единого и согласованного участниками инструментария стратегического планирования.

Это – не простой вопрос с учетом различных цивилизационно – ценностных ориентаций различных стран. Однако необходимость создания рамочных параметров алгоритма стратегического планирования для его развития на пространстве Евразии очевидна. Необходимо договориться о непротиворечивом инструментарии. В качестве рабочего образца для ведения данного процесса можно взять российский Федеральный закон № 172 ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» и утвержденные Президентом России «Основы государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации».

Растет также роль и значение ценностного фактора в государственной политике обеспечения национальной безопасности, что требует формирования собственных для Большой Евразии мировоззренческих основ стратегического планирования и детального рассмотрения цивилизационно-гуманитарного аспекта обеспечения национальной безопасности на пространстве Большой Евразии. Здесь также видится некий обобщающий документ стратегического планирования, возможно в виде **Концепции мировоззренческих основ стратегического планирования на пространстве Большой Евразии.**

Особое внимание необходимо уделить формированию прогнозных оценок развития ситуации на пространстве Большой Евразии. Это могла бы быть совместная работа ряда профильных институтов РАН с зарубежными коллегами. На этом направлении целесообразно инициировать на научном и экспертном уровне работу по формированию **прогноза развития Большой Евразии на период до 2035 года.**

Одновременно уже сегодня необходимо озаботиться формированием **единой базы данных** по всем крупнейшим проектам, реализуемым на пространстве Большой Евразии. Это – развития базовой инфраструктуры на этих территориях, проект «Один пояс – Один путь», крупнейшие транспортные коридоры, планирование пространственного развития, развития логистических путей и товаропроводящих цепочек.

И завершающий шаг – **качественно иная, чем сегодня, информационно-аналитическая поддержка** процесса стратегического планирования и стратегического управления. На примере Специальной военной операции мы видим,

как востребованы не только технические и технологические инициативы, но и перспективные управленческие алгоритмы, как повышается значение творчества в решении прикладных задач. Следовательно, необходимо запускать формат такой работы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Бордачев Т.В., Пятачкова А.С.** Концепция Большой Евразии в повороте России на Восток // Вестник международных организаций. 2018. Т. 13. № 3 (на русском и английском языках). DOI: 10.17323/1996-7845-2018-03-02.
2. **Иванов В.В., Малинецкий Г.Г.** Философские основания гуманитарно-технологической революции // Философские науки. 2019. Т. 62. № 4. DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-4-76-95.
3. **Караганов С.А.** От поворота на Восток к Большой Евразии // Россия в глобальной политике. 19 марта 2017 // <http://www.globalaffairs.ru/pubcol/Ot-povorota-na-Vostok-k-BolshoiEvrazii-18739>.
4. **Курyleв К.П., Данюк Н.С., Семибратов Е.В., Никулин М.А.** Архитектура евразийской безопасности сквозь призму российских концептуальных подходов // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2019 № 9 (5). DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-5-56-65.
5. Материалы VIII Научно-практической конференции – Форума аналитиков России (ФАР-2024). Доклад А. Агеева: «Внешняя и внутренняя динамика евразийской безопасности и задачи аналитики».
6. **Моргентау г.** Реалистическая теория международной политики // Теория международных отношений. Н.-Новгород: Изд-во ННГУ, 2001.
7. **Назаров В.П., Афиногенов Д.А.** Проблемы развития общей теории национальной безопасности в контексте корректировки Стратегии национальной безопасности Российской Федерации // Власть. 2020. № 1.
8. **Подберезкин А.** Приоритет в создании евразийской безопасности // <http://www.pravo.mgimo.ru/?q=node/28231>.
9. **Симония Н.А.** Избранное. М.: МГИМО-Университет, 2012.
10. Стратегия Большой Евразии: цивилизационные, социокультурные и экономические основания. Коллективная монография / Под ред. А. Джаннотти и Г.Ю. Ивлевой. М.: МНИИПУ, 2024.
11. **Mahan A.T.** The Influence of Sea Power upon History. Boston: Brown, 1928.
12. <https://predanie.ru/book/221656-ishod-k-vostoku-predchuvstviya-i-svsheniya-utverzhdienie-evraziystva/>.
13. <https://rusenergyweek.com/news/vstrecha-ministrov-energetiki-stran-briks/>.
14. <https://itek.ru/news/uchastniki-konferencii-territoriya-energodialoga-obsudyat-energostrategiju-rossii-do-2100-g/>.
15. <https://katehon.com/ru/article/bolshaya-evraziya-kak-geopoliticheskaya-konceptiya-rossii-xxi-veka>.

16. <https://ru.sputnik.kz/20240807/что-такое-bolshaya-evraziya-zamena-odnopolyarnomu-miru-i-novye-printsipy-sotrudnichestva-46147174.html>.

D.A. AFINOGENOV

Doctor of Political Sciences, Member of the Scientific Council of the Security Council of the Russian Federation, expert of the Russian Academy of Sciences, Full State Adviser of the Russian Federation, third class, Moscow, Russia

I.V. STARODUB

Colonel of the Reserve, Candidate of Political Sciences, Acting Head of the Department of Public Administration and National Security of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

STRATEGIC PLANNING IN GREATER EURASIA: A SCIENTIFIC AND THEORETICAL UNDERSTANDING OF THE PROBLEM

The article presents various conceptual views on the development of the Eurasian space, the place and role of Russia in building security in Eurasia. It is shown that from the point of view of strategic planning, the issues of using interstate security tools in the Greater Eurasian space were practically not considered.

The article analyzes various difficulties in the implementation of accepted international strategic planning documents related to the different approaches of the Eurasian states to the level of strategic planning culture, forecasting horizons, tools for achieving forward-looking goals, and approaches to understanding the value and worldview foundations of security policy. It is indicated that the generalized essence of strategic goal-setting in greater Eurasia should be considered the creation of conditions for the formation of a Eurasian security system.

It is proposed to develop an Act (an interstate agreement, a joint declaration) on the principles of strategic planning, priority areas, goals and objectives of its development in the Eurasian space for the entire Greater Eurasian space, as well as to form a unified algorithm for achieving forward-looking goals for the Eurasian states.

Key words: *Eurasian space, national security, strategic planning, goal setting, strategic forecasting, international cooperation.*